

ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 811.161.1'366. DOI 10.26170/FK20-02-01. ББК Ш141.12-21. ГРНТИ 16.21.07. Код ВАК 10.02.19

СИСТЕМНАЯ ОШИБКА И ЕЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Норман Б. Ю.

Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь), Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Мухин М. Ю.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8716-9260>

А н н о т а ц и я . В статье анализируется подкласс существительных (как правило, отглагольных) с финалью *-ние* в русском языке. Эти существительные имеют разговорный вариант с финалью *-нье*. Этот краткий вариант обычно не фиксируется в словарях и объясняется как результат редукции заударного гласного [и]. Однако различие между словами на *-ние* и на *-нье* не сводится к только фонетическим или стилистическим признакам, а проявляется и в колебаниях в образовании на письме формы предложного падежа. Литературная орфографическая норма требует форм *в молчании*, но *в молчанье*. Однако в текстах, даже прошедших через редакторскую правку, многократно встречаются написания *в молчаньи* и *в молчание*. В связи с этим в статье вводится понятие системной ошибки. Это отклонение от литературной нормы, обусловленное объективными внутриязыковыми процессами. Для обсуждения этой идеи в работе анализируются примеры из русской художественной литературы, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). На нескольких диаграммах показано распределение форм на *-ние* и на *-нье* по периодам, начиная с XVIII века. Отмечен явный скачок в употреблении формы на *-нье* (в отличие от *-ние*) в течение XIX в. и значительное уменьшение частоты ее встречаемости на протяжении XX в. и в начале XXI в. Кроме того, выявлено, что формы на *-нье* (в предложном падеже – на *-ньи*) получают особое распространение в стихотворных текстах; они могут служить одним из признаков поэтического дискурса. Отчасти это связано с количественным превосходством двусложных размеров над трехсложными в русской поэзии. Предлагается несколько объяснений сложной ортологической и социолингвистической ситуации. Делается вывод, что появление системных ошибок в употреблении форм предложного падежа обязано собой комплексному влиянию нескольких факторов: фонетического, фонемного (орфографического), просодического, стилистического и лексико-семантического.

Ключевые слова: системные ошибки; отглагольное существительное; имена существительные; предложный падеж; словоформа; фонетическая редукция; русский язык; части речи; морфология русского языка.

SYSTEMATIC MISTAKE AND ITS LINGUISTIC BACKGROUND

Boris Ju. Norman

Belarussian State University (Minsk, Belarus), Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Mikhail Yu. Mukhin

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8716-9260>

Abstract. The article analyzes a subclass of nouns (in most cases, verbal nouns) with the ending *-ние* in the Russian language. These nouns have a colloquial variant with an ending *-нье*. This short variant in many cases is not fixed in dictionaries and is explained as a result of reduction of the post-stressed vowel [и]. However, the difference between the words with *-ние* and *-нье* endings does not tend to phonetic or stylistic features only but is also manifested in the fluctuations in the formation on the letter of the prepositional case. A literary orthographic norm requires the form “в молчанье”, but not “в молчании”. However, in texts, even those that have gone through an editorial correction, there are numerous occurrences of spelling “в молчаный” and “в молчание”. In this connection, the article introduces the notion of a systematic mistake. This is a deviation from the literary norm, due to objective intralingual processes. To discuss this idea, the work analyzes examples from Russian fiction recorded in the Russian National Corpus. Several diagrams show the distribution of *-ние* and *-нье* forms by periods from the 18th century. There was an obvious increase in the use of the *-нье* form (as compared to *-ние*) in the XIX century and a significant decrease in its frequency during the XX century and at the beginning of the XXI century. Besides, it was found that *-нье* forms (*-нии* in the prepositional case) are particularly common in poetic texts; they can be one of the signs of poetic discourse. This is partly due to the quantitative superiority of disyllabic foot over trisyllabic in Russian poetry. Several explanations of the complex orthological and sociolinguistic situation are offered. The conclusion is made that the appearance of a systematic mistake in the use of forms of the prepositional case is due to the complex influence of several factors: phonetic, phonemic (spelling), prosodic, stylistic and lexico-semantic.

Keywords: system mistakes; verbal noun; nouns; prepositional; word form; phonetic reduction; Russian language; parts of speech; morphology of the Russian language.

Для цитирования: Норман, Б. Ю. Системная ошибка и ее языковые предпосылки / Б. Ю. Норман, М. Ю. Мухин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 8–18. – DOI: 10.26170/FK20-02-01.

For citation: Norman, B. Ju., Mukhin, M. Yu. (2020). Systematic Mistake and its Linguistic Background. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 8–18. DOI: 10.26170/FK20-02-01.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02. А03.21.0006.

Acknowledgments: the research is supported by Act 211 of the Government of the Russian Federation, contract No. 02.A03.21.0006.

Термин *ошибка* мы трактуем здесь широко: это любое отклонение от нормы литературного языка. Но ошибка ошибке рознь. Бывают разовые обмолвки и описки – случайные, от невнимания или от давления смежных единиц. Скажем, человек вместо *платки носовые* произнес *носки платовые*. Или вместо *ключи* сказал *очки*. Бывают ошибки регулярные – от незнания какого-то языкового правила. Например,

вместо *впоследствии* человек написал *впоследствии*. Или носитель диалекта вместо *у сестры* говорит *у сестре*. А бывают ошибки, когда к нарушению правила человека подталкивает сам язык. В данном случае нас будут интересовать именно такие отклонения от правил, и мы их будем называть системными.

Л. В. Щерба, говоря о важности «отрицательного языкового материала» для лингви-

ста, подчеркивал: «Нужно иметь в виду, что мы нормально этих ошибок не замечаем – ни у себя, ни у других; „неужели я мог так сказать?“ – удивляются люди при чтении своей стенограммы... Этот факт объясняется тем, что все эти ошибки социально обоснованы; их возможности заложены в данной языковой системе, и они, являясь привычными, не отвлекают на себе нашего внимания в условиях устной речи» [Щерба 1974: 36].

Ошибки, заложенные в самой системе языка, таят в себе накапливающуюся внутреннюю энергию, могущую привести к «взрыву», к изменениям, которые в конце концов будут приняты обществом и признаны нормативной грамматикой.

Скажем, от глаголов совершенного вида в современном русском языке регулярно образуются глаголы несовершенного вида. И этот процесс очень часто включает в себя морфонологическое чередование <о> / <а> в основе, а оно сдерживается литературной нормой. В частности, глагольные пары типа присвоить – присваивать, заморозить – замораживать, задобрить – задабривать, облагородить – облагораживать для нас уже привычны. Этот ряд глаголов с <а> в основе постепенно пополняется. Появляются *одолжить* – одалживать, опорочить – опорачивать, ознакомить – ознакомливать, сморщить – смарщивать и т. п. – хотя еще в Толковом словаре [Ушаков 1935–1940] все эти глаголы несовершенного вида снабжены пометой неправ. Вместо *обуславливать* тот же словарь рекомендовал *обусловливать*, вместо *уполномачивать* – *уполномочивать*, вместо *сосредотачивать* – *сосредоточивать* и т. д. Такова была норма середины XX века. В последнее же время мы наблюдаем лавинообразный рост количества производных несовершенного вида с фонемой <а> в корне: от *узаконить* образуется *узаканивать*, от *обесточить* – *обестачивать*, от *растаможить* – *растамаживать*, от *застолбить* – *засталблывать*, *от приурочить* – *приурачивать*, от *обезболить* – *обезбалывать*, от *обескровить* – *обескравливать* и т. д. [Норман 2017]. Языковой узус постепенно приучает нас к этим новообразованиям, ср. два примера из художественной литературы:

В спецфилиале Дома творчества **накармливают** разными вкусными вещами, а вокруг

располагается полудикая природа... (Б. Кенжеев. Обрезание пасынков).

Толик. ...Ты на свой карман работаешь, а я помогаю матери бизнес вести. Если предприятие не вести, как следует, оно – **обанкрачивается**.

Саша. Сам ты «обанкрачивается».

Толик. **Обанкрачивается**, да! (Н. Коляда. Икар).

Однако словари и грамматики не спешат фиксировать новые факты русского словообразования – пока что такие слова квалифицируются как ошибочные. Но эти ошибки – системного характера, они свидетельствуют о мощной тенденции в способах выражения отношений между глагольными видами. Следовательно, изучать ошибки нужно не только для диагностирования и оценки речевого поведения индивида, но и для определения трендов языкового развития.

В данном случае мы обратимся к функционированию в русском языке отглагольных существительных, оканчивающихся на *-ние*. Они образованы с помощью суффикса *-аниј/-ениј*, а к нему в именительном падеже прибавляется окончание *-е*. Это весьма продуктивная модель именного словообразования. «Слова на *-ние* не имеют ограничений в сферах функционирования: свойственны языку науки и техники, разных областей производства, деловой и художественной речи, языку публицистики, РЯ [разговорному языку. – Б. Н., М. М.]» [Земская 1992: 64]. Действительно, слова вроде *ожидание*, *гуляние*, *чтение*, *ослабление* очень часты в нашем речевом обиходе; их значение – процесс, действие, а также продукт этого действия. Обратный словарь русского языка фиксирует огромное количество – около 10 тысяч – производных с финалью *-ние* [Обратный словарь 1974]. Из-за отвлеченной семантики числовая парадигма этих существительных сильно ограничена: форма множественного числа от них образуется далеко не всегда. Что же касается единственного числа, то тут мы имеем дело с полной парадигмой. Обратим только внимание на то, что формы именительного и винительного падежей у этих слов совпадают, ср.: *началось гуляние* и *организовать гуляние*. Форма предложного падежа отличается от только что приведенных, например: *участвовать в гулянии*.

Финаль *-ние* имеет в русском языке вариант *-нье*; чаще всего слова так и описывают в грамматиках – как дублиеты. Поэтому пары типа *ожидание – ожиданье, гуляние – гулянье* и т. п. рассматриваются как просодические и стилистические варианты («полные» и «краткие»). Очень редко между существительными на *-ние* и на *-нье* можно заметить серьезное расхождение в лексической семантике. Бывает, что одно слово специализируется в «процессуальном» значении, а другое – в «предметном», ср.: *воскресение – воскресенье, сидение – сиденье, соление – соленье* и т. п.

Но в целом счесть эти варианты равноправными нельзя. Во-первых, существительные с *-ние* употребляются в прозаической письменной речи несравненно чаще, чем их дублиеты с *-нье* (по сводным данным Основного корпуса НКРЯ, «полный» вариант употребительнее «краткого» примерно в 50 раз), см. диаграммы 1 и 2 (здесь и далее приводятся данные по употреблению на 1 млн слов).

Причем если частотность «полных» вариантов более или менее стабильна по периодам, то употребительность дериватов с *-нье* резко возрастает в XIX веке, а затем этот всплеск постепенно угасает. Возможно, это связано с дискурсивными и стилистическими особенностями употребления «кратких» форм, о чем речь пойдет далее.

Словари русского языка приводят эти отглагольные существительные в «полном» варианте, с финалью *-ние*, и это закономерно. Собственно, формальное различие между «полными» и «краткими» вариантами можно было бы свести к чисто фонетическому процессу – редукции [и] до степени [j]. Но этому мешают обстоятельства более высокого порядка, а именно – морфологические. Дело в том, что парадигма существительных на *-нье* несколько отличается от таковой с концовкой *-ние*. Здесь, согласно нормативной грамматике, с формой именительного и винительного падежа совпадает также форма предложного падежа. То есть надо писать: *началось гулянье, организовать гулянье, участвовал в гулянье*.

Как известно, гласный в составе заударной флексии подвергается в русском языке сильной редукции (и со временем эта сила, судя по всему, еще возрастает). В 60-е годы прошлого века фонетисты проводили эксперимент.

Они просили определить на слух, различается ли произношение словоформы *поле* в следующих двух контекстах: *Снег падал на это поле* (где *поле* – форма винительного падежа) и *Снег лежит на этом поле* (где *поле* – форма предложного падежа). В большинстве случаев испытуемые отвечали положительно, а именно: *поле₁* и *поле₂* звучат по-разному. М. В. Панов комментировал этот результат так: «Участники опыта опирались на свой языковой опыт, на привычку различать эти две формы» [Панов 1967: 318].

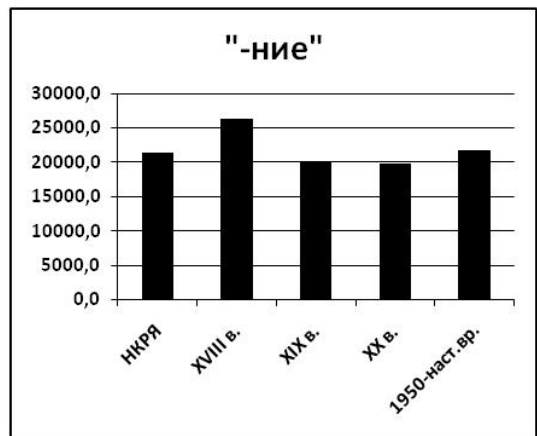

Диаграмма 1. Употребительность существительных с *-ние* в среднем и по периодам, по данным НКРЯ

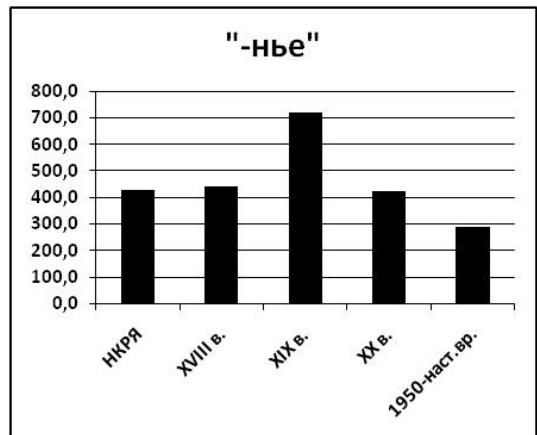

Диаграмма 2. Употребительность существительных с *-нье* в среднем и по периодам, по данным НКРЯ

На наш взгляд, здесь стоило бы говорить о «гипнозе парадигмы». Ведь носитель языка

(в том числе и участвующий в эксперименте) проецирует в своем сознании каждую словоформу на совокупность единиц, выполняющих данную функцию. Откуда мы знаем, что в высказывании *Он купил себе новое пальто* словоформа *пальто* имеет значение именно винительного, а не какого-то другого падежа? А оттуда, что она функционально равна в данном контексте формам *рубашку, куртку, шубу* и т. п. – со специальным окончанием -у. Об этом хорошо, в связи с нулевой морфемой, писал А. М. Пешковский [Пешковский 1956: 15–16]. Точно так же *Снег падал на это поле* – это как *Снег падал на эту дорогу*. А *Снег лежит на этом поле* – это как *Снег лежит на этой дороге!* Поэтому даже физически тождественные формы *поле₁* и *поле₂* осознаются по-разному, а наши представления влияют, как известно, на наше восприятие.

Представление о системном характере словоизменения играет, конечно, решающую роль. Но вернемся к конкретному вопросу о парадигме отглагольных существительных. У слов на *-ние* мы имеем в предложном падеже особую финаль *-нии* (*в гулянии*), а у слов на *-нье* – такое же *-нье*, что в именительном и винительном падежах (*в гулянье*). Получается, что следует говорить, а точнее – писать, так:

(Целый час продолжалось) это *молчанье* (именительный падеж).

(Мы на час погрузились) *в молчанье* (винительный падеж).

(Мы целый час пробыли) *в молчанье* (предложный падеж).

Совпадение словоформ, их омонимия – не очень желательное для языка явление. Правда, можно сказать, что форма предложного падежа всегда сопровождается предлогом (служебное слово становится как бы дифференциальным признаком этого падежа), в то время как форма именительного падежа при себе предлога не признает, а форма винительного делает это довольно редко. Более того, наборы предлогов, с которыми сочетаются словоформы винительного и предложного падежей в русском языке, совпадают не полностью. Следовательно, предлог может выступать как дополнительное формальное средство, различающее значения словоформ. Так, сочетание *под ворчанье* будет безошибочно нами опреде-

лено как форма винительного падежа, а *при ворчанье* – предложного (*под* не употребляется с предложным падежом, а *при* – с винительным).

Но самое главное для нас сейчас – то, что современные тексты, даже прошедшие редакторскую обработку, изобилуют неправильными формами существительных на *-нье* в предложном падеже! Вместо *в молчанье* пишут – *в молчаньи* и т. п. Приведем несколько примеров.

А сегодня в амбулаторию гитлеровцы внесли на руках молодого заключенного и **в ожиданьи** санитарной кареты положили его на мою койку (Р. Гуль. Конь рыжий).

И где-то **в отдаленьи**, почему-то, так четко слышно, как хлопают руками в рукавицах (Б. Пильняк. Простые рассказы).

Но полтора-два часа утренних – ничтожно мало для работы, а день за днем – **в томленьи** от жары и купанье с 6 утра до 11 вечера, раз 5–6 в день (А. Твардовский. Рабочие тетради).

Русская литература – где бы ни находились ее составители: в метрополии или **в рассеяньи**, – нынче – как и всегда – вся, по сути, в изгнании (С. Соколов. Открыв – распахнув – окрылив).

Особенно показательны поэтические контексты – но здесь замену формы предложного падежа на *-нье* формой на *-нии* можно объяснить просодическими причинами. То есть можно предположить: в сознании у поэта присутствует словарная, «полная» форма существительного: *молчание, ожидание, томление* и т. п. Но требования ритма заставляют при включении слова в строку сократить последнее на один слог, сохранив, однако, морфологический показатель предложного падежа:

Автоматического блока
Терзанья дальше начинались,
Где **в предвкушеньи** водосток
Восток шаманил машинально...
(Б. Пастернак. Встреча)

Что сделать мне тебе в угоду?
Дай как-нибудь об этом весть.
В молчаньи твоего уха
Упрек невысказанный есть.
(Б. Пастернак.
Памяти Марины Цветаевой)

Когда мне хорошо, я жду беды...
 Я точно знаю, ждать ее недолго.
 И я изнемогаю **в ожиданьи**...
 И каждый мускул ждет ее прихода...
 (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда)

А стихотворение Б. Окуджавы «Прощание с Польшей» существует в нескольких вариантах. Они различаются прежде всего обращением в первой строке (*Мы связаны, поляки...* или же *Мы связаны, Агнешка...* – это обращение к Агнешке Осецкой, польской поэтессе). Но, кроме того, варианты присутствуют и в следующей строке. В печатном тексте начало стихотворения выглядит так:

Мы связаны, поляки, давно одной судьбою
В прощанье и в прощенье,
 и в смехе и в слезах
 [Песни Булата Окуджавы 1989: 135]

Эти формы отглагольных существительных соответствуют грамматическому канону. Но в интернете широко представлен иной письменный вариант:

Мы связаны, Агнешка,
 давно одной судьбою –
В прощеньи и в прощанье,
 и в смехе и в слезах...

Здесь *в прощеньи* – явное отступление от правила, тем более любопытное, что тут же, в сочинительном ряду с данной формой, употреблено совершенно правильное *в прощанье*.

Добавим, что такое же «неправильное» окончание предложного падежа мы встречаем в письменных текстах и у существительных среднего рода с финалью *-je* (не только отглагольных):

...Прожила она свой век с мужем, с дедом (тем самым, о котором память сохранила вкус конфет **в удушьи** его умирания)... (Б. Пильняк. Старый дом).

К полночи люди **в подземельи** у печки спали, эти оборванцы, нашедшие себе право жить **в подземельи** у печи кирпичного завода (Б. Пильняк. Красное дерево).

...Сыновья пошли по своим делам; и опять старуха говорила **о счастьяи**, о том, что муж незлобивый, ему и в морду можно дать (Б. Пильняк. Жулики).

Приступ юмора скоро пройдет. Можно перемножить в уме трехзначные числа или просто думать **о здоровьи** для всех людей Земли (Слава Сэ. Ева).

В приведенных цитатах мы явно имеем дело с системной ошибкой. И если для поэтических контекстов «неправильные» формы на *-ньи* или *-ји* можно объяснить требованиями просодики и ритмики (*-нии* > *-ньи*, *-ии* > *-ји*), то прозаические цитаты требуют какого-то другого объяснения.

Прежде всего, обратим внимание на некоторые особенности употребления неправильных форм типа *в молчаньи*. Эти отклонения, наблюдаемые в письменных текстах на русском языке, достигают своего максимума на рубеже XIX–XX веков, а затем снижают свою активность (см. диаграмму 3).

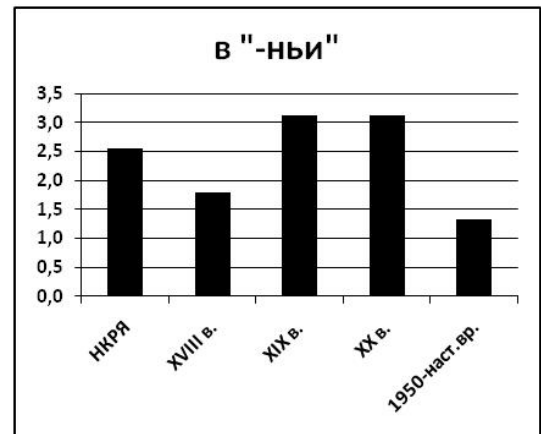

Диаграмма 3. Употребительность отглагольных существительных с финалью *-ньи* в предложном падеже, по данным НКРЯ – в среднем и по периодам

Но еще важнее и интереснее то, что абсолютное большинство этих словоупотреблений с *-ньи* в предложном падеже выпадает на поэтические контексты, см. диаграмму 4.

Дело в том, что слова на *-ние* достаточно часто требуют обращения к трехсложным размерам, а в некоторых случаях – к дактилической рифме, что само по себе дело редкое. Слова же на *-нье* проще укладываются в двусложные размеры. Объем поэтических текстов, написанных ямбом и хореем, по данным поэтического корпуса НКРЯ, почти в три

раза больше, чем тех, в которых использованы дактиль, анапест и амфибрахий. И тем самым «краткий» вариант интересующих нас существительных становится в русском языке одним из отличительных признаков поэтического дискурса.

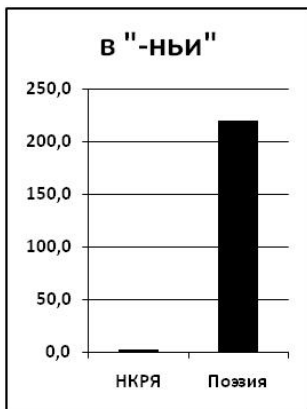

Диаграмма 4. Употребительность форм предложного падежа «в ... -ньи» в Основном корпусе НКРЯ и в Поэтическом корпусе

Попытаемся теперь дать обобщенное объяснение приведенным фактам. Это можно сделать с разных позиций. Прежде всего обратим внимание на то, что все это – примеры из письменных текстов. А отличим ли мы на слух правильную форму *в гулянье* от неправильной *в гуляньи*? Фактически в обоих случаях в конце слова звучит краткий гласный переднего ряда, в фонетической транскрипции обозначаемый как [ь]. И если нам кажется, что словоформы *в гулянье* и *в гуляньи* заканчиваются разными звуками, то тут уже действует не «гипноз парадигмы», а «гипноз буквы». Потому что все мы, овладев грамотой, склонны переносить на звуковую речь те знания, которые приобрели на основе речи письменной (ср. хотя бы распространенные ошибки типа «Он не произносит букву р» – хотя букву произнести вообще невозможно). Так, может быть, пишущий, в своем желании четче противопоставить форму предложного падежа формам именительного и винительного, «навязывает» звучанию иную фонемную (и буквенную) трактовку?

Еще проще в объяснении этих ошибок сослаться на соотношение «полных» и «крат-

ких» вариантов существительных – это самый естественный ответ. Логика языка такова: раз правильно *в молчании*, то почему не *в молчаньи*, раз *в ожидании*, то почему не *в ожиданьи*? Тогда это как бы распространение, экстраполяция на формы предложного падежа того же противопоставления, которое мы наблюдали в «полных» и «кратких» формах именительного падежа: *молчание – молчанье*.

Таким образом, у интересующего нас вида системных ошибок намечаются по крайней мере три интерпретации: фонологическая (=орфографическая), фонетическая и просодическая. Но это, кажется, еще не решает всех вопросов. Стоит спросить: не является ли эта неправильная финаль *-ньи*, так сказать, лексикализованной, т. е. привязанной к определенным словам (ограниченным тематически или «списком»)? Скажем, НКРЯ не дает ни одного примера на словоформы *в угнетеньи*, *в решеньи*, *в признаньи*, *в оправданьи*... А вот на *в упоеньи*, *в ожиданьи*, *в томленьи* и т. п. приводится масса вхождений. Может быть, эти слова-«эмотивы» своей лексической семантикой наиболее соответствуют поэтическим текстам, настроивая читателя на соответствующий лад?

Таким образом, реальное распределение окончаний предложного падежа у отглагольных существительных на *-ние/-нье* оказывается сложнее, чем это прописано в грамматиках. И частная, казалось бы, проблема превращается в общую и весьма болезненную для школьников и абитуриентов. Кроме упомянутых фонемно-фонетических оснований и лексико-стилистических ограничений здесь можно указать еще на следующие три обстоятельства.

Во-первых, некоторый порядок в рассматриваемый вопрос попытались внести «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 года. Вот как это комментирует А. Б. Шапиро: «Закреплено уже частично вошедшее в орфографическую практику написание буквы *е* в неударяемом окончании предложного падежа единственного числа существительных среднего рода на *-ье*: *о счастье*, *в ущелье*, *на перепутье* и т. п. Долгое время в этой падежной форме от многих слов писалось на конце *и* (*в ущельи*, *на перепутьи*), хотя никаких оснований для этого в общей системе написания неударяемых гласных не было» [Шапиро 1956: 16].

Основания-то, с нашей точки зрения, были (хотя бы стремление сохранить единую словоизменительную парадигму для слов на *-ние* и на *-нье*). Но, устранив один разноречивый, «Правила» породили другую проблему: они узаконили на письме склонение вариантов одного и того же слова по разным образцам. *Молчание* склоняется по типу *отделение, помещение*, а *молчанье* – по типу *копье, ружье*, см., например: [Волоцкая и др. 1964: 55–56]. Это возвращает нас к вопросу о тождестве слова.

Во-вторых, стоит упомянуть наличие некоторого количества особых случаев. Граматики и справочники по русскому языку, разводя формы предложного падежа у существительных типа *молчание* и *молчанье*, оговариваются, что из общего правила есть исключения. Так, от существительного *острие* форма предложного падежа будет (на) *острие* (не «на острии»). От слова *забыть* образуются две формы: (о) *забытье*, но (в) *забыти* (не «в забытье»), см., например: [Трудности словоупотребления 1973].

Для существительного *отсутствие* регулярной формой предложного падежа будет (в) *отсутствии*, например: *В отсутствии в зале дирижера ничего удивительного не было*. Но если это слово в сочетании с предлогом *в* образует уже новый, составной предлог, то он выглядит как *в отсутствие*:

Бабушка работала в местном поликлиники. Давид **в отсутствие** бабушки не скучал. Возле дома, в старом, никому не принадлежавшем саду, среди дряхлых, бесплодных яблонь, паслась пожилая коза... (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

И хорошо, что Леон это сразу понял: просто природа заботилась, чтобы **в отсутствие** слуха самый важный инструмент ее существа – ее глаза, ее пристальный лучистый взгляд – постоянно омывался сокровенной природной влагой (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын).

Тот же процесс грамматикализации захватил и слово *течение*. Если это – обычное существительное, то форма предложного падежа будет (в) *течении*: *В нижнем течении реки есть острова*. Но если перед нами производный предлог (утративший связь с исходным значением существительного), то он всегда пишется с буквой *е* на конце: *В течение семестра надо*

дать две письменные работы. Это доставляет немало проблем школьникам.

В-третьих, и это самое интересное, не только существительные на *-нье* регулярно нарушают на письме установленное для них правило, но и существительные на *-ние*, так сказать, идут им навстречу в этом орфографическом бунте. А именно: в текстах встречаются формы предложного падежа типа *в молчание!* Возможно, свою роль здесь играют литературные вкусы автора (представление о том, что «полный» вариант отглагольного существительного стилистически выше «краткого»), а, возможно, и степень речевой свободы художника слова, его стремление к креативу:

Я ожидал **в нетерпение** дальнейшего, потому что часто, переходя к следующей кочке, собака начинает больше узнавать запах, дальше еще больше... (М. М. Пришвин. Дневники).

Но сначала проверила имеющиеся **в наличие** видео по делу о политических страховых полисах (Е. Козырева. Дамская охота).

Плывет в тоске замоскворецкой
пловец в несчастье случайный...

(И. Бродский.

Рождественский романс).

Оговоримся, что в последнем случае словоформа в несчастье может быть понята не только как квалификатив к слову *пловец* («какой *пловец?*»), но и как локатив к глаголу *плывет* («куда *плывет?*») – тогда это форма винительного падежа с предлогом [Норман 2016: 49].

Однако, может быть, кроме упомянутых высоких мотивов, подобные нарушения правил свидетельствуют и об определенном хаосе в сознании носителя языка – об объективном смешении разных форм? Ср. фрагменты документов, зафиксированные в НКРЯ:

В 2000 году был принят областной Закон «Об охоте и охотничьем хозяйстве» и вышло Постановление губернатора «**О предоставлении** в пользование объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты на территории Самарской области», которое установило порядок проведения и условия конкурса по распределению охотничьих угодий.

Колхозы, совхозы не оказались бы в состоянии юридической непризнанности, если бы не появился на свет Федеральный закон «**О введении** в действие Земельного кодекса

РФ», который 25 октября 2001 г. был подписан уже Путиным.

Участие **в проведение** переговоров, подготовке и заключении соглашений по вопросам социально-трудовых отношений...

Или более старый фрагмент – из медицинского руководства начала XX века:

Поэтому необходимо безотлагательно пригласить опытного хирурга, **а в ожидание** его прибытия осторожно положить больного в постель или на любые импровизированные носилки...

В НКРЯ можно встретить еще и *о положении, о путешествии* и т. п.

Повторим и подытожим, что перед нами – примеры не случайной, а регулярной, массовой ошибки. Ошибка эта, в принципе, орфографическая. Но, с нашей точки зрения, в данных фактах фокусируются некоторые языковые тенденции, которые и служат объективным основанием для таких системных отклонений.

Тенденция первая: сильная редукция заударных гласных заметно снижает дифференцирующую силу падежных окончаний. Омонимия словоформ – ситуация для языка привычная. Однако стоит напомнить, что в истории западноевропейских языков совпадение флексий было одним из факторов, приведших к переходу от синтетического строя к аналитическому. А для русского языка нарастание доли аналитизма в его грамматическом строе давно отмечается специалистами. Причем «поворот к аналитизму» не обязательно связывается с процессами фонетической редукции. Об этом свидетельствует, в частности, наблюдаемое в последние полвека обеднение парадигмы топонимов типа *Бородино*, см.: [Федосюк 2019].

Тенденция вторая, в чем-то противодействующая первой: для эффективности коммуникации морфемам важно сохранить свою различительную силу. В частности, выражение падежных значений необходимо для организации синтаксической структуры высказывания. И если в устной речи это стремление сталкивается с нейтрализацией фонем (см. выше), а разные предлоги дела не спасают, то говорящий может попробовать воспользоваться в данных целях средствами орфографии.

Тенденция третья: языковая единица по самой своей природе вариативна, это касается как ее плана содержания, так и плана выражения. Грамматическое варьирование, несомненно, обогащает стилистическую палитру языка и дает человеку дополнительный (кроме лексики и фонетики) люфт для самовыражения. И появление вариантов словоформы может использоваться языком либо для лексического «расщепления» слова (т. е. для разведения его лексико-семантических вариантов), либо для выражения стилистических оттенков. Эта третья тенденция может иметь как эволюционное проявление (соперничество вариантов при переходе от одного этапа языкового развития к другому), так и просторанственное (при переходе от одного идиостиля к другому). Примечательны, например, ошибки типа *о введение* в текстах официальных документов или формы предложного падежа на *-нью/-ви* в прозе Бориса Пильняка или поэзии Бориса Пастернака.

Конечно, нельзя считать, что язык через упомянутые три тенденции стремится «навести порядок» в своем хозяйстве, но объективность действующих в нем сил не подлежит сомнению. Причем пишущий нимало не задумывается над причинами, заставляющими его выбрать ту или иную форму. Однако в коллективном лингвоментальном пространстве указанные предпосылки взаимодействуют и приводят к упомянутым системным ошибкам.

Отдельный вопрос – о нормотворческой деятельности лингвистов, которые должны не просто фиксировать происходящие в речи процессы, но и оценивать их через призму кодификации. Можно увидеть за указанными фактами определенные пробелы (недоработки) ортологии. Но при этом следует понимать, что установление каких-то норм (в частности, единых окончаний для каждого падежа) должно опираться на данные узуса, речевой практики. Приведем цитату из работы известного болгарского социолингвиста, академика М. Виденова: «Понятие „массовая ошибка“ – это чрезвычайно пагубный мутант современной болгарской лингвистической мысли. Возникает вопрос, где и как определяется критерий правильности. Нет ничего более нелепого, чем ответить, что так дано в сло-

варе или что так формулируется в грамматическом руководстве. Установление критериев происходит исключительно путем научного выявления общественного мнения, через социолингвистическое изучение практики, через учет тенденции. <...> Массовая ошибка – это проявившаяся тенденция, которую мы вовремя не заметили и не предоставили ей

своевременно возможность свободной конкуренции, не клеймя ее как неправильность» [Виденов 2003: 33].

Таким образом, системная ошибка чаще всего является сигналом внутреннего «брожения», перестройки фрагмента языковой системы. И именно в таком своем качестве она нуждается во внимании лингвистов.

Литература

- Виденов М. Българският език и българското езикознание през първата четвърт на XXI в. / М. Виденов // Славистиката в началото на XXI век. Традиции и очаквания. – София : СемаРШ, 2003. – С. 31–34.
- Волоцкая, З. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме / З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1964.
- Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : Наука, 1992.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). – URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 27.04.2010). – Текст: электронный.
- Норман, Б. Ю. Потенциальные явления в грамматике современного русского языка (вторичные имперфективы) / Б. Ю. Норман // *Foreign Languages – Чуждоезиково обучение*. – София, 2017. – № 4. – С. 343–354.
- Норман, Б. Ю. Жизнь словоформы / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта ; Наука, 2016.
- Обратный словарь русского языка. – М. : Сов. энциклопедия, 1974.
- Панов, М. В. Русская фонетика / М. В. Панов. – М. : Просвещение, 1967.
- Песни Булата Окуджавы / Б. Окуджава; сост. Л. Шилов. – М. : Музыка, 1989.
- Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Изд. 7-е. – М. : Учпедгиз, 1956.
- Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник / ред. К. С. Горбачевич. – Л.: Наука, 1973.
- Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Советская энциклопедия, 1935–1940. – Т. I–IV.
- Федосюк, М. Ю. «Недаром помнит вся Россия про день... Бородино», или почему перестают склоняться существительные на -ино, -ово / М. Ю. Федосюк // *Вестник Московского государственного областного университета*. – 2019. – № 5. – С. 333–341.
- Шапиро, А. Б. Упорядоченное русское правописание. К выходу «Правил русской орфографии и пунктуации» / А. Б. Шапиро. – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 1956.
- Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // *Языковая система и речевая деятельность*. – Л. : Наука, 1974. – С. 24–39.

References

- Fedosyuk, M. Yu. (2019). «Nedarom pomnit vsya Rossiya pro den'... Borodino», ili pochemu perestayut sklonyat'sya sushchestvitel'nye na -ino, -ovo [“Not in Vain will All Russia Remember The Day of... Borodino”, or why do nouns ending in to -ino, -ovo stop declining]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. No. 5, pp. 333–341.
- Gorbachevich, K. S. (Ed.). (1973). *Trudnosti slovopotrebleniya i varianty norm russkogo literaturnogo yazyka. Slovar' – spravochnik* [Difficulties in the use of words and variants of norms of the Russian literary language. Dictionary]. Leningrad, Nauka.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: www.ruscorpora.ru (mode of access: 27.04.2010).
- Norman, B. Ju. (2016). *Zhizn'slovoformy* [Life of the word form]. Moscow, Flinta, Nauka.
- Norman, B. Ju. (2017). Potentsial'nye yavleniya v grammatike sovremennogo russkogo yazyka (vtorichnye imperfektivy) [Potential phenomena in the grammar of contemporary Russian (secondary imperfections)]. In *Foreign Languages – Chuzhdoezиково обучение*. Sofia. No. 4, pp. 343–354.
- Obratnyi slovar' russkogo yazyka* [Reverse Russian dictionary]. (1974). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya.
- Panov, M. V. (1967). *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshchenie.
- Peshkovskii, A. M. (1956). *Russkii sintaksis v nauchnom osvveshenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Uchpedgiz.
- Shapiro, A. B. (1956). *Uporyadochennoe russkoe pravopisanie. K vykhodu «Pravil russkoi orfografii i punktuatsii»* [Ordered Russian spelling. To the release of the “Rules of Russian Orthography and Punctuation”]. Moscow, Moscow State University.
- Shcherba, L. V. (1974). O troyakom aspekte yazykovykh yavlenii i ob eksperimente v yazykoznanii [On the triple aspect of linguistic phenomena and the experiment in linguistics]. In *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Leningrad, Nauka, pp. 24–39.
- Shilov, L. (Ed.). (1989). *Pesni Bulata Okudzhavy* [Songs of Bulat Okudzhava]. Moscow, Muzyka.

Норман Б. Ю., Мухин М. Ю. Системная ошибка и ее языковые предпосылки

Ushakov, D. N. (1935–1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. I–IV.

Videnov, M. (2003). B'lgarskiyat ezik i b'lgarskoto ezikoznanie prez p'rvata chetv'rt na XXI v. [The Bulgarian language and Bulgarian linguistics in the first quarter of the XXI century]. In *Slavistikata v nachaloto na XXI vek. Traditsii i ochakvaniya*. Sofia, SemaRSH, pp. 31–34.

Volockaya, Z. M., Moloshnaya, T. N., Nikolaeva, T. M. (1964). *Opyt opisaniya russkogo yazyka v ego pis'mennoi forme* [The experience in the study of Russian in its written form]. Moscow, Nauka.

Zemskaya, E. A. (1992). *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow, Nauka.

Данные об авторах

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь); ведущий научный сотрудник Проблемной лаборатории компьютерной лексикографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 220030, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4.

E-mail: boris.norman@gmail.com.

Мухин Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: mikhaile.mukhin@urfu.ru.

Author's information

Norman Boris Justinovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Slavonic and Theoretical Linguistics, Belarussian State University (Minsk, Republic of Belarus); Leading Researcher of Special Laboratory of Computer Lexicography, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Mukhin Mikhail Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).